

Тиффани была именно такой — очаровательной девушкой, но при этом глубоко верующей.

Они были неразлучны и делились друг с другом всем, кроме одного места, куда никогда не ходили вместе — церкви. Ким Тхэён не знала, что каждый раз, когда Тиффани с улыбкой покидала их съемную квартиру, она шла туда каяться. Каяться в своей инаковости.

Разрываясь между верностью вере и любовью к Ким Тхэён, Тиффани начала вести дневник. Ким Тхэён не хотела вторгаться в личное пространство подруги, ведь она понимала: даже людям, обреченным прожить всю жизнь вместе, нужно оставлять друг другу достаточно свободы.

Но всякий раз после записей в дневнике Тиффани теряла свою улыбку. Заметив это, Ким Тхэён, движимая лишь заботой, однажды заглянула в него. Она искренне хотела сказать Тиффани, что не хотела лезть в ее дела, что тогда, в порыве гнева, наговорила лишнего.

В тот момент, прочитав, как Тиффани описывает их любовь искушением дьявола, а их путь — процессом падения в бездну, Ким Тхэён не смогла сдержать ярости. Я уважаю твою веру, но кто я в этой вере для тебя?

Когда Тиффани снова вернулась из церкви, Ким Тхэён показалось, что ее улыбка стала до того фальшивой, что это вызывало тошноту.

Разразилась ссора, и на этот раз прощения не было. Это была не первая их перепалка, но сейчас всё было по-настоящему серьезно. Ким Тхэён не могла вынести подобных определений их чувств. Прежде их ссоры лишь крепче связывали их, но тогда Ким Тхэён, не будучи такой открытой, как Тиффани, у которой были друзья в церкви, чувствовала свою отчужденность от остального мира и была несколько радикальна. Она разорвала все связи с теми, кто мог противиться их союзу — даже с собственными родителями.

Когда один человек решается на такой отчаянный шаг, а другой, пусть и не колеблясь в чувствах, называет их любовь искушением дьявола, предательство ощущается особенно остро, почти до истерики.

Слова о расставании слетали с уст легко. Ким Тхэён даже бросила, чтобы Тиффани возвращалась в объятия Господа и больше не искала ее.

Слезы перестали быть оружием, способным остановить ссору, превратившись в катализатор взаимного неприятия. Никто не любит слез, даже если они от радости — они лишь портят момент. Былые обещания вмиг развеялись, а чувства, казалось, внезапно оборвались.

И пути назад уже не было.

Это не было импульсивным решением. Ким Тхэён и Тиффани вынесли слишком много косых

взглядов из-за своей любви, которую даже нельзя было открыто провозгласить перед людьми. Эта любовь держалась только на них двоих, но теперь она разрушилась.

Ким Тхэён думала, что на этом всё закончится, и планировала найти кого-то другого, кто сможет ее принять — того, кто точно не будет верить ни в какого Бога.

Кафе должно было стать местом их последней встречи. Ким Тхэён прождала долго, но Тиффани так и не пришла. Она не была из тех, кто опаздывает, особенно на свидания с Ким Тхэён.

Тревога, страх и раздражение смешались внутри. Когда зазвонил телефон, Ким Тхэён вздрогнула всем телом и чуть не опрокинула кофе.

— Алло.

— Здравствуйте, это Университетская больница при Сеульском национальном университете. Кем вы приходитесь Тиффани?

Больница? Взгляд Ким Тхэён внезапно потускнел, она оцепенела, не в силах вымолвить ни слова. Казалось, даже сердце перестало биться.

— Алло? Кем вы приходитесь Тиффани?

Очнувшись, она пробормотала:

— Я подруга Тиффани. Как сестра.

— Поскольку ваш номер записан у нее под первым номером быстрого набора, мы позвонили вам. Если есть возможность, свяжитесь с ее семьей, пусть они срочно приедут. Состояние пациентки очень тяжелое.

Белая занавеска отодвинулась, пропуская внутрь луч солнца, который показался спасительным светом.

— Ее состояние критическое. Десять дней. Если она не придет в себя, готовьтесь к худшему, — тяжело произнес главный врач. Ким Тхэён почти не слышала его слов. Рука, которую сжимала Чон Суён, мгновенно похолодела. Она... она просто не могла принять всё это.

Десять дней — последний шанс Тиффани и, возможно, ее последнее время.

— Неужели всё настолько плохо?

Квон Юри отложила палочки, так и не притронувшись к обильному обеду перед Чон Суён.

— Очень плохо. Я не знаю всех деталей, но кома всегда влияет на функции организма. То, что ее зрачки реагируют на свет — это лишь рефлекс. Она может очнуться, а может и никогда не прийти в сознание. Теперь я могу поесть?

Квон Юри ненавидела говорить об этом за едой. Раньше она тоже тяжело переживала смерть пациентов, ведь каждый уход сопровождался такой болью. Только спустя два года она научилась смотреть на это отстраненно. Именно поэтому она не хотела, чтобы Чон Суён приходила сюда.

— Ох, прости, — голос Чон Суён был тихим, почти робким. Та, что сидела перед ней, совсем не была той привычной Чон Суён, но именно такой она становилась всякий раз, когда в голове царил хаос.

Квон Юри тихо вздохнула. Похоже, история Ким Тхэён и Тиффани тронула Чон Суён. Холодная снаружи, но горячая внутри — это про нее. На самом деле Чон Суён очень легко растрогать.

И она всегда готова протянуть руку помощи. Разве когда-то сама Квон Юри не была спасена такой же девушкой?

— Всё в порядке. Я верю, что им повезет. Таких, как мы, не так уж много, и даже если бы ты не просила, я бы сделала всё возможное!

Квон Юри взяла руку Чон Суён в свою, пытаясь передать ей тепло. Так было всегда: она переживала за других, а Квон Юри успокаивала ее — лишь ради того образа, что когда-то впервые ворвался в ее сердце.

— Ешь. А после обеда возвращайся домой, не ходи больше в палату, — время было ограничено. Квон Юри отпустила руку и принялась за свою еду, не заметив, как Чон Суён укладкой поморщилась.

— Я всё же схожу проведаю ее. Юна там, а Со Хён сказала, что ей пора уходить. Я буду часто заглядывать, ты же знаешь, что у Юны, кроме меня, никого нет.

Слова Чон Суён заставили Квон Юри нахмуриться. Прошло два года, многое изменилось. Но Ким Хёён, похоже, осталась прежней — ее десятилетний характер — это не просто инфантильность, а скорее прямолинейность.

— Даже если ты умрешь в офисе, ты должна это сделать! Прошло полмесяца, Лим Юна! Ты что, хочешь, чтобы меня придушил главный редактор? — Ким Хёён наконец выпустила руку Со

Хён и вцепилась в Лим Юну. — Нам не хватает только твоей рукописи! До выпуска остались считанные дни!

Ким Хёён говорила так эмоционально, что Со Хён порадовалась, что они заранее вышли из палаты, иначе это превратилось бы в настоящий фарс.

— Не то чтобы я не хотела писать, но вчера я пошла в бар за материалом, а в итоге оказалась в больнице из-за алкоголя, — Лим Юна приложила руку ко лбу, и выражение ее лица заставило всех поморщиться. — Хорошо, что Со Хён была рядом, иначе я бы точно влипла в неприятности!

В ее словах сквозила благодарность к Со Хён — было видно, что Лим Юна всё же дорожит своей жизнью.

— Окей, три дня. Даю тебе три дня! Иначе... — Ким Хёён перешла в наступление. Три дня, и если Юна не успеет, она притащит ее с собой на тот свет!

— Погоди, ты ведь умеешь танцевать? Сходи с редактором в клуб, может, он временно приостановит мою колонку? — видя решимость в глазах Ким Хёён, Лим Юна перестала строить из себя важную персону.

Как только это было сказано, от Ким Хёён повеяло убийственной аурой:

— Он женатый мужчина!

— Ты же хотела быть примерной женой, как так вышло, что за два года после выпуска у тебя до сих пор нет мужчины? — эти слова Лим Юны ударили по больному.

— Ты еще смеешь говорить! — Ким Хёён вскочила, метая молнии глазами. — Все методы соблазнения, которые используют эти парни, они выучили у тебя! Где мне найти хорошего мужа?!

Со Хён мысленно кивнула. Лим Юна действительно была гуру любви для многих мужчин. Ее колонка в журнале PinkRose за два года сделала маленькое издание популярным. Она учила мужчин уловкам на свиданиях. В тот день в баре Со Хён встретила немало тех, кто пытался подкатить к ней, и их фразы были до боли знакомыми. Только тот мужчина, которого прогнала Лим Юна, был другим — и именно поэтому Со Хён смогла его принять.

— Всего три дня, иначе иди покупай страховку! — бросив напоследок угрозу, Ким Хёён в ярости ушла.

Сама виновата, кто просил тебя всё это время ходить за мной по пятам. Со Хён смотрела на страдальческое лицо Лим Юны и думала именно так.

Чон Суён вернулась раньше, чем ожидалось. Университетская больница была особым местом: здесь лечились не только высокопоставленные чиновники, но и богачи, дорожащие своей жизнью. Лим Юна, которая никогда не отказывала себе в еде, теперь была вынуждена есть пресную кашу — выбора не было, желудок не позволял иного.

Времени не оставалось. Со Хён, не спавшая всю ночь, всё еще выглядела бодрой. Сегодня днем ей нужно вернуться в университет на мероприятие — приедет чиновник из МИДа, и как одна из лучших студенток, она обязана присутствовать.

— Я ухожу. На этом всё.

Чем ближе она была к Лим Юне, тем больше хотелось свободы. Со Хён была упрямой, но что поделать, если на ее пути встретилась еще более упрямая Лим Юна.

— Ты придешь завтра?

Чон Суён чуть не поперхнулась. Это что, кокетство? Лим Юна задрала голову, глядя на нее огромными влажными глазами, полными невинности и мольбы.

— Если будет время, я приду, — промедлив несколько секунд, Со Хён мысленно вздохнула. Она не хотела отказывать, потому что знала: если она откажет Лим Юне, та завтра же объявится в университете. А это было бы куда большей проблемой.

— Тогда я буду послушно ждать тебя!

Плечи Со Хён заметно дрогнули. Даже Чон Суён не выдержала и встала. Этот бесцеремонный характер Лим Юны просто невыносим. Мы же в общественном месте, имей совесть!

— Тот... я отойду на минутку.

— Сейчас лучше не возвращаться, — предупредила Лим Юна. — Родственники Тиффани внутри, они только что приехали, шумят!

Два года Ким Тхэён доказывала свои чувства к Тиффани. Принятие было невозможно, ведь Тиффани была из религиозной семьи. Вера ее близких была непоколебима, они не могли смириться с такой ориентацией, но в их сердцах все же проснулось сострадание.

Теперь всё было поздно. За два года даже семейные узы могли померкнуть. Плачущая мать, молчаливый отец и Ким Тхэён, наблюдающая за всем этим — в итоге она решила уйти и оставить решение родителям Тиффани.

Чувство отчаяния. За эти два года Ким Тхэён пережила его не раз. Она коротко подстриглась,

чтобы было удобнее, и даже выучилась на первоклассную сиделку, чтобы лучше ухаживать за Тиффани.

Массаж изо дня в день, ежедневные обмывания, чтение историй — теперь всё это не могло спасти жизнь Тиффани. Отчаяние не отпускало. Ким Тхэён равнодушно усмехнулась — она даже плакать больше не могла.

Что будет дальше? Примет ли она снова уход Тиффани? Ким Тхэён не знала. Мысли путались, эмоции переплетались, и среди них было немало обиды.

Два года покаяния. Два года Ким Тхэён провела в самобичевании, постоянно враждуя с верой Тиффани, ведь в Корее все знали, что вера в Бога несовместима с такой любовью.

Даже атеистка Ким Тхэён знала это. Каждый раз, видя сверкающий крестик на шее Тиффани и ее ежедневные молитвы, она чувствовала невыразимое соперничество. Смешно, но раньше Ким Тхэён боролась за свою возлюбленную с Богом, и теперь всё повторялось.

Но если она проиграет на этот раз, она потеряет ее навсегда.

Ким Тхэён не знала, кто этот новый пациент, не знала и того, кто его друзья. Эти фразы «всё будет хорошо» лишь вызвали желание выплеснуть гнев, но остатки разума твердили: нельзя этого делать.

Именно поэтому Лим Юна не хотела, чтобы Чон Суён вмешивалась. Истерические эмоции непредсказуемы, и она боялась, что Ким Тхэён в порыве чувств может обидеть Чон Суён. Дружба длиной в несколько лет давала Лим Юне право хорошо знать Чон Суён.

Поэтому, глядя на происходящее, Лим Юна беспомощно отвернулась. Все знали, чем это закончится.

— Всё будет хорошо, обязательно будет, — тихо подошла Чон Суён, стараясь не напугать женщину, погруженную в свои сложные чувства. — Тиффани сильная, она ведь продержалась два года, правда? Она обязательно справится!

Чон Суён не была оптимисткой по натуре, но хотела подарить хоть каплю утешения.

— Ха, — Ким Тхэён опустила голову и презрительно усмехнулась. — Ты не видела этих двух лет, откуда тебе знать, что она сама не хотела уйти от меня?!

В ее голосе слышалась насмешка и какая-то жестокость.

Летнее солнце слепило глаза, вызывая невольную лень. Чон Суён, Лим Юна и Со Хён больше всего любили после занятий сидеть в кафе с холодными напитками, разговаривая обо всем на свете.

Сегодняшняя тема — любовь, о которой вы мечтаете.

— Я считаю, что оба супруга должны проявлять друг к другу достаточно уважения. Взаимное уважение — это хорошо, оно делает любовь стабильной и долговечной. Страсть быстро проходит, оставляя пустоту, и к тому же она всегда опасна! — Со Хён поправила очки, и ее академический тон заставил слушательниц закатить глаза. Трое совершенно разных людей собрались вместе, но, как говорится, рыбак рыбака видит издалека.

Лим Юна, слегка покачав головой, имела свои взгляды на любовь:

— То, что я хочу, я обязательно возьму в свои руки. Неважно, куда оно убежит, даже если придется умолять — я вымолю его обратно!

По сравнению с этим, позиция Лим Юны была более «мужской». Если бы рядом были маленькие девочки, они бы смотрели на нее с обожанием. Хотя все они были женщинами, слова этой «старшей сестры» звучали властно и круто.

Но здесь сидели Со Хён и Чон Суён. Видя непонимание на лице Со Хён, Чон Суён лишь беспомощно улыбнулась:

— Думаю, это должно быть обоюдно. А если тот, кого ты любишь, не согласен? Разве настойчивые просьбы и давление не доставляют другим проблем?

Ожидаемо. Лим Юна вздохнула, потеряв интерес к напитку.

— Давайте лучше о твоей. Мы все разные, не нужно требовать, чтобы другие становились такими же, как ты.

Хотя Лим Юна смотрела на Чон Суён, эти слова предназначались другому. Со Хён надула щеки, как проповедник, несущий истину — эта девушка, казалось, всегда была на стороне справедливости.

— Я? — Чон Суён задумалась, сложив руки у щек. У нее было много фантазий о любви. — Я жажду любви, основанной на взаимности и верности. Без каких-либо других мотивов, без уступок и терпения. Два любящих человека вместе: если есть противоречия — обсуждают их, могут ссориться, могут устраивать холодную войну, но между нами обязательно должна быть любовь.

Говоря это, она счастливо улыбалась. Требования Чон Суён к любви были идеальными, трудно

представить ее обычной, но именно такой была ее жажда. И это не было требованием, она знала, что ее мечты слишком сказочны.

На самом деле сказка и реальность не так уж далеки. Люди всегда думают, что смотрят на сказку со стороны, поэтому так много стремятся к ней. Но они не знают, что герои сказок тоже смотрят на нас, чтобы доказать, что расстояние между ними не так уж велико.

Поэтому Чон Суён хотела верить в сказочный финал и твердо в него верила.

Разве не так? Со Хён и Лим Юна смогли сойтись, и хотя их отношения развивались быстро, Чон Суён верила, что они разыгрывают свою собственную сказку.

Она всегда ждала от сказок прекрасного финала. Чем трагичнее процесс, тем прекраснее конец. Она была готова верить и была очень упряма. Именно поэтому Квон Юри не хотела, чтобы она приходила в больницу.

Но Чон Суён всё равно приходила туда через день, и даже сейчас.

Взгляд Ким Тхэён заставил Лим Юну инстинктивно насторожиться. Она верила во все нелогичные вещи, потому что считала свою любовь к Со Хён самой большой нелогичностью в своей жизни.

<http://bllate.org/book/20909/2113885>